

БОГОСЛОВИЕ В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДИСКУССИИ О ВЫСШЕМ ДУХОВНОМ ОБРАЗОВАНИИ В 1905–1906 гг.)

ПРОТОИЕРЕЙ НИКОЛАЙ ЕМЕЛЬЯНОВ

Статья посвящена принципиально важному вопросу для понимания как истории, так и современного состояния системы науки и образования. Вопрос о богословии в системе научного знания рассматривается на материале дискуссии в Предсоборном присутствии 1906 г. Автор предпринимает попытку выявить в дискуссии систематический взгляд на проблему.

Первая русская революция 1905–1906 гг., поколебавшая основы российской государственности, не могла не затронуть и систему высшего образования Российской империи. Эти годы были ознаменованы массовыми студенческими волнениями как в светских вузах, так и в духовных академиях. В октябре 1905 г. ситуация стала столь острой, что требовала срочного и радикального вмешательства. 19 октября ушел в отставку обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев. После его ухода была создана комиссия из 12 преподавателей¹ с равным представительством от всех духовных академий, которая должна была предложить действенные меры для нормализации сложившейся критической ситуации. Комиссия подготовила временные правила, которые были утверждены Святейшим Синодом². Одновременно Святейший Синод поручил Советам

¹ Два архиерея — архиепископ Сергей (Страгородский) и епископ Арсений (Стадницкий) — были включены в состав Комиссии позднее и приняли участие в ее работе начиная с пятого заседания.

² Эти предложения были сформулированы в постановлении Святейшего Синода от 26 ноября 1905 г.; определением Синода от 25 января 1906 г. они были введены в действие в виде временных мер и определением Синода от 21 февраля 1906 г. были внесены в Устав православных духовных академий 1884 г. Подробнее о Временных правилах см.: *Тарасова В. А.* Высшая духовная школа России в конце XIX — начале XX века. М., 2005. С. 346–354; *Сухова Н. Ю.* Богословское образование в России в начале XX в. — полемика, анализ, синтез // *Сухова Н. Ю.* Вертоград наук духовный: Сб. статей по истории высшего духовного образования в России XIX — нач. XX в. М., 2007. С. 99–142. См. также по этому вопросу: *Петр (Еремеев), иером.* Проблемы реформирования высшей духовной школы в России в начале XX в.: *Тарасова В. А.* На перепутье. Poleмика по вопросам реформы высшей духовной школы в России в начале

духовных академий составить проекты Устава, отвечающего новым реалиям. Советы академий подготовили соответствующие проекты, что потребовало детального обсуждения всех вопросов, касающихся деятельности высшей духовной школы. Были представлены не только проекты, отражающие консолидированное мнение академических корпораций, но и авторские³. В это же время были подготовлены «Отзывы епархиальных архиереев», в числе прочих вопросов затрагивающие и духовно-учебный, преимущественно на уровне средней школы, но в некоторых отзывах — и высшей⁴. Все эти материалы были рассмотрены на заседаниях пятого отдела Предсоборного присутствия в 1906 г.⁵

Решение об учреждении Предсоборного присутствия было принято Святейшим Синодом 14 января 1906 г. Целью Присутствия было предварительное обсуждение всех вопросов, которые предлагались для рассмотрения на Поместном Соборе. Состав Присутствия был сформирован в очень краткие сроки, но в течение всего 1906 г. неоднократно изменялся и пополнялся, о чем постоянно сообщали «Церковные ведомости»⁶. Вопросы о статусе дискуссии и ее практических результатах современным исследователям видятся весьма проблемными⁷. Ни принцип подбора состава участников, ни статус принятых решений не были достаточно четко определены⁸. Это в полной мере касается и работы V отдела Предсоборного присутствия. Таким образом, «обсуждение проектов на Предсоборном Присутствии, при всей его активности и определенной результативности, привело и к некоторой растерянности»⁹. На Поместном Соборе 1917–1918 гг. проблемы высшей духовной школы также не получили должного обсуждения на пленарных заседаниях¹⁰.

XX века // Встреча. 1998. № 1(7). С. 14–22; Дис. ... канд. богосл. МДА. Сергиев Посад, 1999; Воробьев И. В. Реформы духовных академий 1905–1911 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

³ См.: Свод проектов Устава Православной Духовной академии, составленный комиссией профессоров СПбДА, КДА, МДА и КазДА (далее: Свод проектов 1905 г.). СПб., 1906. Свод был составлен по проектам, представленным Советами академий и — особо — профессором МДА М. Д. Муретовым: Проект Устава духовных академий КДА (от 5 октября 1905 г.). Киев, 1906; Проект Устава Духовной академии, составленный комиссией профессоров Московской Духовной академии. Сергиев Посад, 1906; Проект Устава Духовных академий, составленный комиссией профессоров Санкт-Петербургской академии. СПб., 1907; Проект Устава Православной Духовной академии, составленный комиссией профессоров СПбДА, рассмотренный и измененный Советом академии и объяснительная записка к нему. СПб., 1907; Муретов М. Д. Проект Устава православных духовных академий. Троице-Сергиева Лавра, 1906.

⁴ См.: Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: В 4 т. СПб., 1906 (далее: Отзывы 1906). Переизд.: В 2 т. М., 2004.

⁵ См.: Журналы и протоколы заседаний Высочайше утвержденного Предсоборного присутствия: В 4 т. (далее: Журналы Предсоборного присутствия). Т. II, IV. СПб., 1906–1907.

⁶ См.: Церковные ведомости (далее: ЦВ). 1906. № 3, 8, 9, 18, 20, 29, 49.

⁷ См.: Ореханов Г., иерей. На пути к собору М., 2002. С. 188–198.

⁸ См.: Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.) М., 2002. С. 217–221.

⁹ Сухова Н. Ю. Проблемы научной аттестации в православных духовных академиях (по материалам 1905–1906 гг.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. 1. С. 133.

¹⁰ См.: Сухова Н. Ю. Обсуждение проблем высшего богословского образования на По-

Особенностью дискуссии на Предсоборном присутствии было то, что «приходилось одновременно и оперативно решать сиюминутно-организационные и содержательные вопросы»¹¹. Состоявшееся обсуждение не имело случайного или периферийного характера. Статус дискуссии определялся не только тем, что она была инициирована высшей церковной и государственной властью и объединила выдающихся ученых, активных деятелей высшей духовной школы. Сиюминутно-организационные вопросы зачастую были проявлением тех болевых точек духовно-учебной системы, которые имеют глубокие исторические корни. Дискуссии 1905–1906 гг. непосредственно предшествовала попытка реформирования научного богословского образования в 1895–1897 гг. Необходимость реформы была вызвана как недостатками уставов 1869 и 1884 гг., так и конкретными проблемами духовного образования. Поводом для создания в 1896 г. комиссии «для выработки мер по улучшению учебно-воспитательного дела в духовно-учебных заведениях» стали, с одной стороны, рассмотренное Синодом в 1895 г. дело Н. Н. Глубоковского, связанное с его недовольством преподаванием Священного Писания в семинариях, и отклонение ходатайства об утверждении в степени магистра Е. П. Аквилонова. С другой стороны, толчком к началу работы послужило особое заявление профессоров МДА, несогласных с результатами и способом проведения ревизии в 1895 г., и студенческие волнения 1895–1896 гг., так же как и в 1905 г. охватившие не только светские, но и духовные учебные заведения. Преобразовательное движение 1895–1897 гг. соединило несколько составляющих: желание оградить академии от вредных внешних влияний, попытки Учебного комитета осуществить свои учебно-организационные и методические функции, желание одних преподавателей исправить действующий Устав и попытка других предложить новый подход. Работа Комиссии 1896–1899 гг. оказалась недостаточно эффективной. Представителям академических корпораций не была дана возможность участвовать в обсуждении и принятии решений¹². Предсоборное присутствие должно было учесть все предшествовавшие обсуждения и привлечь к участию в их решении академические корпорации.

Тема богословия в системе научного знания не была собственно предметом работы V отдела, но она постоянно возникала в дискуссии¹³. Эта тема является принципиальной не только с точки зрения истории высшего образования в России или вопроса о научном статусе богословия, но и ставит вопрос о телеологическом статусе научного знания в целом¹⁴. Вопрос о положении богословия в местном Собрании 1917–1918 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 4 (25). М., 2007. С. 43.

¹¹ *Сухова Н. Ю.* Проблемы научной аттестации (по материалам 1905–1906 гг.). С. 128.

¹² Более подробно о дискуссии, непосредственно предшествовавшей исследуемому периоду, см.: *Сухова Н. Ю.* Несостоявшаяся духовно-учебная реформа 1890-х годов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 3 (20). С. 7–26.

¹³ Эта тема звучала и ранее. См.: *Сухова Н. Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX — нач. XX в. М., 2009. С. 90–111.

¹⁴ Как проблема вопрос о фундаментальном положении богословия в системе университетской науки был впервые поставлен Дж. Г. Ньюменом в книге «Идея университета», вышедшей в свет в 1873 г. По его словам, «удалить Теологию из школ — значит нанести ущерб полноте знания и лишить действительности основу доверия ко всему, чему на самом деле в них

системе университетской науки неоднократно систематически рассматривался в русской богословской науке. В том числе в период подготовки нового университетского Устава в 1862 г. была поставлена проблема фундаментального значения богословия, позволяющего «верно определить место изучаемой науки в универсуме человеческого знания»¹⁵. Особенностью исследуемых материалов является систематический подход к проблемам духовной школы в целом¹⁶. Концептуальный характер обсуждения дает возможность выявить и систематизировать палитру проблем и мнений, связанных с положением богословия в системе научного знания, что и является целью данной статьи.

Дискуссия о высшем духовном образовании была начата с обсуждения вопроса о том, «чему должна служить» духовная академия: «одному ли высшему богословскому образованию, или вместе с тем и подготовке преподавателей для средней духовной школы»¹⁷. Этот вопрос сразу же обозначил проблему смешения двух пластов обсуждения, во-первых, концептуальных вопросов, связанных с природой богословской науки и образования, во-вторых, прикладного вопроса о подготовке преподавателей средней школы и, более широко, кандидатов на различные церковные служения. Протоиереем П. Я. Светловым, профессором богословия Киевского университета, вопрос был переведен в плоскость обсуждения «типа богословского образования» и вызвал бурную реакцию¹⁸. Был поставлен вопрос об учреждении богословских факультетов в университетах и даже упразднении академий, как не отвечающих цели богословского образования. Никто из участников дискуссии ни разу не высказал сомнения ни в научном характере богословского знания, ни в цели высшего духовного образования, обозначенной в «Своде проектов» как стремление «способствовать развитию богословской науки»¹⁹. Также несомненным для всех участников дискуссии был и «учено-образовательный»²⁰ статус духовных академий. Суть дискуссии состояла в определении такого типа организации учебно-научного процесса, который наиболее адекватно отвечал бы этим целям. Острота вопроса была связана еще и с тем, что параллельно в совещании профессоров по университетской реформе с 5 по 28 января 1906 г. затрагивался вопрос о преподавании богословия в университете на небогословских факультетах²¹. Участники совещания единогласно

учат» (*Ньюмен Дж. Г. Идея университета*. Минск, 2006. С. 73). В дискуссии на Предсоборном присутствии также ставился вопрос о богословском осмыслении всего «человеческого знания» (*Журналы Предсоборного присутствия*. Т. IV. С. 162).

¹⁵ *Сухова Н. Ю.* Богословские науки в университетах — традиция и перспективы // *Сухова Н. Ю.* Вертоград наук. С. 336–337.

¹⁶ Такое представление является традиционным для русской духовной школы и восходит еще к первой половине XIX в. (см.: *Сухова Н. Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX в.). М., 2006. С. 53–60.

¹⁷ *Журналы Предсоборного присутствия*. Т. IV. С. 46.

¹⁸ См.: Там же. С. 46–54.

¹⁹ Свод проектов 1905 г. § 1. С. 3.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Труды совещания профессоров по университетской реформе, образованной при Министерстве народного просвещения под председательством министра графа И. И. Толстого в январе 1906 г. СПб., 1906 (далее: Труды совещания профессоров по университетской реформе 1906 г.).

проголосовали за упразднение профессуры богословия в российских университетах²².

Главным аргументом, выдвинутым протоиереем П. Я. Светловым в пользу богословских факультетов, стала проблема изоляции богословской науки в академиях от системы университетской науки. Именно Киевским университетом в рамках подготовки нового университетского устава в 1901—1906 гг. было предложено упразднить кафедры богословия в университетах. Протоиерей П. Я. Светлов был последовательным противником этого предложения и сторонником учреждения богословских факультетов. В приложении к журналу V отдела за № 14 содержится его мнение «По вопросу о реформе высшего богословского образования в России»²³ с подробным обоснованием своей позиции. Протоиерею П. Я. Светлову принадлежит также ряд публикаций, посвященных проблеме реформы духовного образования и учреждению богословских факультетов²⁴.

Прот. П. Я. Светлов утверждал, что только «в единении с университетской наукой должна развиваться богословская наука; в академиях же светская наука не встречает необходимого для нее климата»²⁵. В дискуссии была подчеркнута связь богословия с другими отраслями научного знания²⁶. Профессор СПбДА Н. Н. Глубоковский²⁷ указал, что «всего менее сочувствует замкнуто-убоному итальянскому высшему религиозному обучению» и присоединяется к протесту «против вредной изоляции церковного знания от современной общей культуры»²⁸. Эту изоляцию участники дискуссии считали в равной мере угрожающей как богословию, так и системе университетского научного знания в целом. Высказывалась мысль о неполноте университетской науки без богословия. Чтобы стать в подлинном смысле слова университетом, он должен дать место богословскому факультету и сообщить «свободную постановку богословскому образованию»²⁹.

Другим аргументом в пользу богословского факультета как образовательной модели стало утверждение того, что только в университете возможна истинная

²² См.: Труды совещания профессоров по университетской реформе 1906 г. С. 123—126.

²³ Журналы Предсоборного присутствия. Т. IV. С. 58—60.

²⁴ О месте богословия в семье университетских наук. Киев, 1897; Почему духовные академии должны быть заменены богословскими факультетами? // Церковный голос. 1906. № 17; О реформе духовного образования в России. СПб., 1906; О необходимости богословских факультетов в университетах, или О реформе высшего религиозного образования в России. Киев, 1906.

²⁵ Журналы Предсоборного присутствия. Т. IV. С. 48.

²⁶ Проф. И. В. Попов (Там же. С. 50).

²⁷ Глубоковский был активным участником дискуссии V отдела Предсоборного присутствия. В 1905 г. был избран членом епархиальной Комиссии по подготовке к Всероссийскому Поместному Собору Российской Церкви, а затем был привлечен к работе Комиссии по выработке нового устава духовных академий. В 1907—1908 гг. работал в особых совещаниях по вопросу о реформе духовных школ и органов церковного управления. После окончания работы Присутствия выпустил книгу «По вопросам духовной школы средней и высшей и об учебном комитете при Святейшем Синоде» (СПб., 1907) (подробнее см.: *Богданова Т. А. Н. Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого.* СПб., 2010).

²⁸ Журналы Предсоборного присутствия. Т. IV. С. 168.

²⁹ Проф. Н. А. Заозерский (Там же. С. 51).

свобода научного исследования. Проблема «автономии академий» в контексте дискуссии 1906 г. в первую очередь была связана с вопросом о самоуправлении³⁰. Дискуссия не могла не отразить в себе проблем текущего исторического момента. Однако в ряде случаев участники дискуссии специально отмечали, что речь идет именно о проблеме научной свободы богословия. Протоиерей П. Я. Светлов говорил об этом так: «Я думаю, что академии не получают автономии, но если бы это и случилось, академическая наука не подвинется вперед. Кроме внешней свободы нужна еще свобода духа. А нынешние академии, по справедливому выражению одного профессора, бастилии духа...»³¹ Более того, если «ученая автономия» необходима, то автономия «в других отношениях только отвлечет профессоров от ученых занятий...»³². Необходимо создание «свободной богословской науки на богословских факультетах университетов»³³.

Контраргументом в дискуссии по вопросу о создании богословских факультетов стало утверждение о принципе церковности или конфессиональности богословской науки. Профессор Киевской Духовной академии и Киевского университета С. Т. Голубев, известный историк Церкви, указывал на научный и церковный статус богословия: «На богословских факультетах может быть свобода преподавания, но духовные академии должны обслуживать интересы Церкви, и потому преподавание в них должно быть в духе православия... Свобода преподавания без послушания Церкви в академиях не может быть допускаема»³⁴. В этой реплике противопоставляются в развитии богословия принцип свободы научного исследования и принцип «послушания Церкви». Такое противопоставление вызвало критику³⁵. По мнению проф. И. В. Попова, «верность принципам не исключает стремления к свободе при научной разработке выводов из них». Он считал, что верность церковному вероучению является характеристической чертой богословской науки. Не академия противопоставлена богословскому факультету, а «факультеты религий, где христианство и православие изучалось бы наряду с магометанством и

³⁰ Основные положения, входившие в понятие автономии, см.: *Сухова Н. Ю.* Богословское образование в России в начале XX в.: полемика, анализ, синтез // *Сухова Н. Ю.* Вертоград наук. С. 99. Сами Правила см.: РГИА. Ф. 796. Оп. 186 (отд. 1, ст. 2). Д. 486. Л. 1–1 об.

³¹ Журналы Предсоборного присутствия. Т. IV. С. 48. Выражение «бастилия духа» впервые употребил проф. П. В. Тихомиров в статье «О духовных академиях» (*Духовная школа*: Сб. статей. М., 1906). См. также рецензию на этот сборник: *Громогласов И. М.* Бастилия духа // *Богословский вестник*. 1906. № 3. С. 577–596.

³² Проф. М. А. Остроумов (*Журналы Предсоборного присутствия*. Т. IV. С. 92).

³³ Проф. Н. А. Заозерский (Там же. С. 51). В том же смысле высказывались проф. И. В. Попов и С. Т. Голубев, а в дальнейшем обсуждении проф. Ф. И. Титов (Там же. С. 51, 65–66, 74).

³⁴ Журнал № 15 от 14 мая 1906 г. (Там же. С. 65).

³⁵ Проф. С. Т. Голубев совместно с профессорами КДА В. Ф. Певницким, К. Д. Поповым и М. Ф. Ястребовым подал отдельное мнение относительно проекта нового академического устава, представленного КДА (см: Особое мнение проф. С. Т. Голубева по поводу проекта Устава академий // *Труды КДА*. 1906. Кн. 7. Протоколы. С. 259–270). Это мнение также было прочитано на 15 заседании Предсоборного присутствия (*Журналы Предсоборного присутствия*. Т. IV. С. 65). Заявление Голубева, фактически обвинившего составителей проекта Устава в «религиозной шаткости», вызвало возражения не только составителей проекта, но и членов Присутствия, устную и печатную полемику (см.: *Труды КДА*. 1906. № 8/9. С. 259–270; № 12. С. 612–627).

буддизмом с объективностью полного безразличия»³⁶. Противопоставление богословия и религиоведения получает методологический оттенок. Богословские науки «вне Церкви не могут быть изучаемы», но это не исключает принципиальной возможности изучения христианства «подобно другим религиозно-философским доктринам»³⁷. Церковность, или конфессиональность, богословия получает значение методологического подхода и не исключает свободы научного исследования. Напротив, богословская наука сама имеет существенное церковное значение. «Прежде всего, православие во многом есть еще искомое, которое богословской науке предстоит еще выяснить»³⁸. Таким образом, богословской науке усваивается и функция критического осмысления самого понятия церковности или конфессиональности. Были обозначены и другие проблемы, связанные с церковностью богословия, в частности вопрос о церковности ученого-богослова³⁹.

Вопрос о церковном статусе богословия имеет еще одну сторону, связанную с противоречием между научной и практической целью академий. Главная практическая функция академий — подготовка кандидатов на различные церковные служения⁴⁰. Из этого вытекает, что «наука служит здесь не целью, а средством»⁴¹. По мнению проф. И. В. Попова, это ограничивает свободу богословского исследования. Для него это важный аргумент в пользу развития богословской науки на факультетах университетов: «Обратившись в богословские факультеты и освободившись от узко-практических задач, духовные академии, конечно, получили бы гораздо больше свободы и простора для научных изысканий»⁴². В качестве иллюстрации противоречия между практической и научной целью он приводил конкретные примеры. Автору одной диссертации⁴³ было отказано в степени магистра «за то, что он не признавал исторической достоверности некоторых житий», также подверглись гонениям «сочинения проф. Каптерева, в которых были приведены исторические данные о древности двуперстия»⁴⁴. Научное исследование не может быть ограничено «временными, случайными требованиями, не служащими на пользу ни Церкви, ни богословской науке»⁴⁵.

³⁶ Журналы Предсоборного присутствия. Т. IV. С. 66.

³⁷ Проф. М. А. Остроумов (Там же. С. 70).

³⁸ Проф. И. В. Попов (Там же. С. 66).

³⁹ Проф. С. Т. Голубев (Журналы Предсоборного присутствия. Т. IV. С. 47). Его поддержал проф. В. З. Завитневич: «Академическая наука должна выходить из недр Церкви, и потому каждый богослов должен справляться с голосом Церкви. — Правда, это не исключает свободы богословского исследования» (Там же. С. 67).

⁴⁰ Сама формулировка цели академий при формировании каждого Устава (1869, 1884, 1910–1911 гг.) составляла немалую проблему.

⁴¹ Прот. П. Я. Светлов (Журналы Предсоборного присутствия. Т. IV. С. 67).

⁴² Там же. С. 51.

⁴³ Речь шла о магистерской диссертации законоучителя из г. Пензы В. В. Васильева. Подробнее см.: *Сухова Н. Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX — нач. XX в. С. 486.

⁴⁴ Журналы Предсоборного присутствия. Т. IV. С. 51.

⁴⁵ Проф. Ф. И. Титов (Там же. С. 74). В качестве примера было указано на осуждение проф. Е. Е. Голубинского за якобы неправославные суждения о мощах, которыми впоследствии церковная власть воспользовалась при объяснении ситуации с мощами прп. Серафима Саровского.

Итогом дискуссии стало голосование по «вопросу о самостоятельном существовании академий»⁴⁶. Все присутствовавшие на заседании проголосовали за сохранение академий, за исключением протоиерея П. Я. Светлова, оставшегося при особом мнении. Такой результат вполне предсказуем ввиду очевидного значения духовно-академической научно-богословской и образовательной традиции, которая при всех своих недостатках требовала развития, а не уничтожения. В постановке вопроса при голосовании было резкое противопоставление — либо академия, либо факультет. Неоднократно высказывавшиеся в контексте дискуссии мнения о необходимости вариативности научно-образовательных моделей не получили никакой итоговой фиксации. Например, проф. Н. Н. Глубоковский считал необходимым «сохранение академий», хотя и находил полезным, чтобы «наряду с ними и у нас образовывались университетские православно-богословские факультеты»⁴⁷. Он писал об этом еще в процессе подготовки «Отзывов епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе», где в особой записке обосновывал необходимость введения богословских факультетов⁴⁸. После голосования Глубоковский отметил, что вопрос о богословских факультетах получил «такой тягостный и порицательный для наших *Almae matres* характер», что он «решительно отрекается» от высказанного им ранее мнения⁴⁹. Таким образом, дискуссия была фактически сведена к результатам голосования. Эти результаты не только не отражали всей глубины состоявшегося обсуждения, но и оставили чувство неудовлетворенности и растерянности у участников дискуссии.

Вопрос о небогословских дисциплинах в учебном плане академии занимает значительное место в дискуссии⁵⁰. С практической точки зрения дискуссия о небогословских дисциплинах вращалась вокруг проблем многопредметности, перегруженности студентов, методической и предметной разбросанности.

Необходимость изучения светских наук для полноценного богословского образования никем не подвергалась сомнению. Призывы к исключению светских наук из учебного плана были не более чем попыткой заострить проблему и немедленно корректировались теми же, кто их высказывал⁵¹. Полемика вращалась вокруг вопросов о том, с какой целью, как, в каком объеме и в какой период обучения должны изучаться светские науки. По общему мнению, они

⁴⁶ Журналы Предсоборного присутствия. Т. IV. С. 53.

⁴⁷ Там же. С. 54. В этом же смысле высказывался прот. А. П. Мальцев (Там же. С. 52). В отзыве Преосвященного Антония, митрополита Санкт-Петербургского от 6 января 1906 г. также говорилось о «высшем духовно-учебном заведении — в виде особой духовной школы, наподобие теперешних академий, или же как отделения (богословский факультет) при другом высшем учебном заведении (университет)» (Отзывы. 1906. Ч. 2. С. 248).

⁴⁸ См.: Там же. С. 303–310.

⁴⁹ См.: Журналы Предсоборного присутствия. Т. IV. С. 53.

⁵⁰ Вопрос о небогословских дисциплинах обсуждался на 14-м, 15-м, 20-м, 23–25-х заседаниях.

⁵¹ Например, проф. В. Ф. Певницкий вслед за призывом к исключению всех светских наук предложил усилить общеобразовательную подготовку на уровне средней духовной школы и изучать эти науки на отделениях (Журналы Предсоборного присутствия. Т. IV. С. 64–65, 140).

должны были иметь вспомогательный характер⁵². Однако эти вспомогательные дисциплины настолько тесно связаны с богословской наукой, что она «не может развиваться правильно, если... оказывается оторванной от всей совокупности человеческих знаний»⁵³.

Перечень вспомогательных дисциплин был очень разнообразен. К концу обсуждения этот перечень вылился во внушительный список «отделенских» дисциплин. Если продолжить логически предлагаемый ряд небогословских дисциплин, то потребуются включить в него все науки. Вся эта дискуссия наталкивалась на практическую проблему перегрузки учебного плана и нехватки средств⁵⁴.

В контексте дискуссии особое значение имел доклад проф. Н. Н. Глубоковского⁵⁵. В нем представлена попытка обозначить особенность богословской науки с точки зрения предмета ее изучения. Глубоковский сделал акцент на «библейском фундаменте» богословия и указывал на принципиальную несводимость как «самой индивидуальности», так и «земной миссии» Христа к «земным историческим мотивам». Как следствие богословие отлично по своему предмету от остальных научных дисциплин, т. е. является самостоятельной научной специальностью. По словам Глубоковского, «только тварное и ограниченное — хотя бы даже гениальное, — и может и должно разясняться с необходимою удовлетворительностью, без которой нет и не бывает науки. Наоборот, вышешмирное и божественное принципиально не может раскрываться в своем существе из космического и обязательно пострадает и исказится по своей природе при таком неестественном комментировании». Любая попытка ограничения предельного ценностного характера богословской науки является насильственным принижением «божественного до ограниченного с совершенным извращением первого, а это всего менее научно и желательно»⁵⁶. Важно отметить, что Глубоковский не противопоставлял богословие науке, но подчеркивал, что сам принцип научности требует существенного внимания к особенности предмета богословской науки.

Глубоковский предложил три примера для сопоставления: история древнехристианской литературы и патрология; экспериментальная психология и библейская антропология; философия и богословие. Фактически эти три примера указывают на особенность богословского метода в сравнении с историческим, с методами гуманитарных наук в целом и с философским методом⁵⁷.

⁵² Эта идея звучала постоянно. См. мнения профессоров А. И. Алмазова, А. И. Бриллиантова, Н. Н. Глубоковского, И. С. Пальмова, И. В. Попова, М. А. Остроумова, свящ. А. П. Рождественского (Там же. С. 68–69, 71, 127–128, 132–134, 165–166).

⁵³ Проф. И. В. Попов (Там же. С. 49).

⁵⁴ В дневнике епископа Арсения (Стадницкого) дана яркая характеристика этого заседания: «Рассуждали о науках академического образования. Академические советы вводят массу новых наук, якобы имеющих отношение к богословскому образованию. Тут и математика, и сравнительное языкознание, и востоковедение, и юриспруденция, и чего-чего там нет. Академия прямо является академией всех наук» (Дневник епископа Арсения (Стадницкого). ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 515. Л. 44. Расшифровка дневника осуществлена и предоставлена сотрудниками НИО НИРПЦ ПСТГУ).

⁵⁵ Журналы Предсоборного присутствия. Т. IV. С. 153–158.

⁵⁶ Там же. С. 158.

⁵⁷ Там же. С. 160–168.

Отдельного внимания заслуживает тема богословской «Академии наук». Сходная идея высказывалась еще в 1766 г. в проекте учреждения Духовного университета, разработанном архиепископом Иннокентием (Нечаевым), архиепископом Гавриилом (Петровым) и иеромонахом Платоном (Левшиным), а в контексте реформы 1808–1814 гг. тема «Академии наук духовных» проявилась очень ярко⁵⁸. Эта идея неоднократно обсуждалась впоследствии. В Предсоборном присутствии она возникла в контексте обсуждения вопроса о светских науках в академии. Было отмечено, что они должны получать в академии «богословское освящение в духе христианства»⁵⁹. По словам проф. Н. Н. Глубоковского, «было бы симпатичною, благодарною и грандиозною задачей, если бы богословская академическая наука взялась осмыслить и перестроить в своем духе все соприкосновенные гуманитарные человеческие знания»⁶⁰. Однако он сам признал эту задачу практически невыполнимой и усваивал ее особой богословской «Академией наук». В адрес духовных академий высказывалось пожелание, обязывающее их «служить для самостоятельной ученой разработки богословских и других тесно соприкосновенных с ними так называемых гуманитарных наук»⁶¹. Несколько профессоров высказались за создание для богословской науки «высшего ученого института наподобие академии наук»⁶². По мнению участников дискуссии, богословие имеет специфическую оценочную функцию, которая распространяется на весь универсум наук в целом.

На основании дискуссии можно сделать ряд выводов. Научно-исследовательская доминанта была общей чертой всех проектов 1905 г.⁶³ и дискуссии в V отделе Предсоборного присутствия. Всеми без исключения участниками дискуссии научно-богословская деятельность академии признавалась ее первой задачей. Также бесспорной признавалась необходимость создания условий, гарантирующих свободу научного исследования в академиях. Такая постановка вопроса была обусловлена не только остротой политической ситуации того времени, но и процессом развития системы высшего образования в целом. Работа Предсоборного присутствия шла параллельно с комиссией 1906 г. по университетской реформе. Этот параллелизм связан не только с одновременностью дискуссий о высшем духовном и светском образовании, но имеет и содержательный характер. Участники Предсоборного присутствия продемонстрировали университетский подход к проблемам высшего духовного образования. Был провозглашен «принцип неделимости богословского знания и науки». Богословие рассматривалось как составляющая системы научного знания, от которой она не может быть изолирована без ущерба, как для самой богословской науки, так и для всей системы научного знания в целом. Последнее положение имело особую

⁵⁸ См.: Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX вв. / Сост. С. Рождественский. СПб., 1910. Т. 1. С. 268–323; *Сухова Н. Ю.* К 200-летию первой реформы высшей духовной школы в России: путь науки и служения // Материалы XX Ежегодной богословской конференции ПСТГУ. Т. I. М., 2010. С. 13–23.

⁵⁹ Свящ. А. П. Рождественский (Журналы Предсоборного присутствия. Т. IV. С. 126).

⁶⁰ Там же. С. 162.

⁶¹ Проф. И. С. Пальмов (Там же. С. 174–175, 210).

⁶² Проф. И. Г. Троицкий, проф. М. А. Машанов, проф. С. Т. Голубев (Там же. С. 210).

⁶³ Там же. С. 130.

значимость. Положение богословия в системе научного знания уже не сводилось к использованию в богословском дискурсе научных достижений различных гуманитарных областей знания. Утверждалось и обратное — без богословской оценки невозможно адекватное развитие гуманитарного знания. Таким образом, богословие в дискуссии Предсоборного присутствия рассматривалось как неотъемлемая составляющая универсума научного знания.

Участники дискуссии ясно осознавали и формулировали особенности богословия как науки. В первую очередь, особенность богословской науки связывалась с ее церковным статусом. Все участники дискуссии были согласны с необходимостью церковного попечения о высшей духовной школе. Ставился вопрос о церковности ученого-богослова, необходимости «справляться с голосом Церкви». Наконец, высказывалось мнение о научной некорректности богословского исследования, не отвечающего церковному пониманию Православия. В обратную сторону церковность богословия, по мнению участников дискуссии, означает и критическую рефлексию этого понимания, «которое богословской науке предстоит еще выяснить». Практический механизм церковного «попечения» о богословской науке вызвал острую полемику и разногласия. Существующий порядок взаимодействия духовных школ со Святейшим Синодом, правящими архиереями, Учебным комитетом признавался неплодотворным для развития богословской науки, но взвешенного решения этой проблемы предложено не было.

Богословие рассматривалось не только как составляющая системы научного знания, но и как самостоятельная научная область. Внутри себя богословие понималось как «цельное знание» и «органически связанная система наук», имеющая единое библейское основание. Богословие, по мнению участников дискуссии, не может быть сведено к сумме смежных научных дисциплин (философии, истории, истории древней христианской литературы, психологии, филологии и т.д.), от которых существенно отличается по предмету и методу.

Проф. Н. Н. Глубоковский предложил свое определение предмета богословской науки и указал на особенности его научного метода. Он настаивал на принципиальной несводимости богословия к «земным историческим мотивам». Любая попытка ограничения предельного ценностного характера богословской науки является некорректной с научной точки зрения, т. к. игнорирует особенность ее предмета.

Представление о богословской науке как о системе дополнялось ее четкой, восходящей к Шлейермахеру структуризацией, связанной с делением на направления: экзегетическое, систематическое, историческое и практическое. Эта структуризация воспринималась как нормативная, однако отмечалась ее неполнота и недостаточность. В дискуссии были выделены «общеобязательные предметы», своего рода база системы богословской науки, в которую вошли Священное Писание Ветхого и Нового Завета, история Церкви вселенской, основное (или догматическое) богословие и история философии. При определении базовых богословских дисциплин, как и в отношении иных, имеющих практический характер, разброс мнений был значительным.

Практическая реализация множества идей и положений, сформулированных в контексте дискуссии, вызывала существенные разногласия. Многочис-

ленные варианты развития высшего богословского образования и науки, предлагавшиеся участниками Предсоборного присутствия, зачастую имели взаимоисключающий характер и не могли быть согласованы в рамках единственной существующей — академической модели.

Предсоборное присутствие было итогом дискуссий о высшем духовном образовании в 1905–1906 гг. Однако оно не имело четко очерченного результата и не стало определяющей основой для продолжения обсуждения ни в Комиссии, созданной при Святейшем Синоде для разработки проекта нового устава духовных академий в 1909–1911 гг.⁶⁴, ни на Поместном Соборе 1917–1918 гг. Результаты обсуждения в Предсоборном присутствии часто получали свое выражение в голосовании по тому или иному вопросу, которое не только не отражало содержания дискуссии, но, напротив, полностью выхолащивало значение самого обсуждения. На это косвенно указывали сами его участники⁶⁵. Проект Устава, отвечающего единой концепции высшего духовного образования, Предсоборному присутствию выработать не удалось. В этом смысле следует считать итогом дискуссии не ее формальные результаты, а сам опыт обсуждения практических и концептуальных проблем богословской науки и образования. Предложенная в данной статье систематизация концептуальной составляющей дискуссии является попыткой выявить ее действительные результаты. При составлении и введении в действие нового Устава в 1909–1911 гг., также сопровождавшемся длительными дискуссиями, их участники «нередко опирались и на проекты 1905 г., и на дискуссии 1906 г.»⁶⁶. Следует особо отметить, что все обсуждавшиеся вопросы были напрямую связаны с конкретными проблемами высшего духовного образования. Такая непосредственная связь является главным обоснованием ценности и значимости состоявшегося обсуждения. Этот факт позволяет поставить вопрос о дальнейшем взаимовлиянии систематической и практической составляющих в дискуссии о высшем духовном образовании в 1905–1918 гг.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, православные духовные академии, богословие как наука, богословие в системе научного знания.

⁶⁴ Подробнее о реформе православных духовных академий 1910–1911 гг. см.: *Сухова Н. Ю.* Дискуссия 1909 г. о проблемах высшего духовного образования и богословской науки // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 2 (23). М., 2007. С. 32–57.

⁶⁵ Епископ Арсений (Стадницкий) подводил итоги работы в следующих словах: «Не могу сказать, что мы достигли многих результатов. Но ведь дело школьное — такое важное и сложное, что не знаю, можно ли большего достигнуть. Журналы наших заседаний отчасти только дают понятие о наших трудах и занятиях» (Дневник епископа Арсения (Стадницкого). ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 514. Л. 93).

⁶⁶ *Сухова Н. Ю.* Проблемы научной аттестации (по материалам 1905–1906 гг.). С. 133.

THEOLOGY IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE
(IN THE PAPERS OF THE DISCUSSION CONCERNING
TO THE THEOLOGICAL EDUCATION IN 1905–1906)

ARCHPRIEST NICOLAY EMELIANOV

The article deals with the question that is the important for the understanding both the current state of science and education and the history. The author explains the problem of the theology's place in the system of a scientific knowledge by giving the materials of the discussion at the Office preceding the All-Russia Church Local Council in 1906. He investigates the discussion and detects the systematic point of view.

Keywords: The Russian Orthodox Church, Orthodox Theological Academy, theology, theology in the system of a scientific knowledge.